Василиса Засветова

В НАЧАЛЕ БЫЛА ОСЕНЬ

18+

Василиса Засветова

В начале была осень

«Автор»
2026

Засветова В.

В начале была осень / В. Засветова — «Автор», 2026

Новый цикл автофикшна от автора книги «Цветные стекляшки под призмой калейдоскопа» — это манифест неоимажинизма XXI века, где привычная Книга Бытия перевернута навзничь. Здесь сотворение мира начинается не из света и тепла, а из сырого осеннего перегноя, тумана и «отходов» человеческой памяти.В основе книги лежит строгая архитектоника словесности: восемь глав, от вводного кануна «До начала» до семи дней жанрового творения: миф, легенда, письмо, сказка, история, ода, быль. Это сборник глубоких, хтонических и одновременно ироничных историй, в которых метафоры и образы – хирургический инструмент. Автор сознательно уничтожает глянцевые мифы о «романтической депрессии» осени, выкатывая читателю правду через пульсацию жизни.Здесь аристократичный слог хладнокровно сталкивается с неприглядной изнанкой, а воспоминания становятся основной ранящего языка и чувствительных рецепторов.

© Засветова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

До начала 5
Миф 7
Легенда 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Василиса Засветова
В начале была осень

До начала

Эх, снова я замахнусь на монументальное. На необъятное. И на фундаментальное — для некоторых.

Осенний цикл — это не только романтично по своей кажущейся депрессивности, но и цинично по своей сути.

Однажды меня виноватили читатели за то, что мои слова будоражат гнетущую хлябь в глубинах их душ, где глухим далёким эхом доносятся мои метафоры и образы, вырвавшиеся из единой цитадели моей словесности и вонзившиеся в плоть их саморефлексии.

Дабы предупредить прочие возможные «обвинения», позвольте я возведу некоторый этический ценз. Здесь, как и в предыдущем цикле, будут присутствовать странные или «заумные» слова; здесь читатель столкнётся с аристократичной подачей мыслей в одном ряду с совсем неприглядными и непристойными выражениями. Думаю, уместно известить об этом «на берегу», чтобы те, кого это может потенциально съёжить, могли потратить время на поиски автора попроще и пощекотать своё эго по шерсти. А впрочем, попробуйте.

Рождение словесности — это титанический труд сотворения. Сродни, пожалуй, сотворению мира. И каждый знает истину: когда ещё не было ничего, слово уже было. И если рай — это сады, цветущие и плодоносящие, то жизнь начинает происходить из грязи и во первородном грехе.

Жизнь — это не стерильные «райские сады». Говорят, что до них ещё надо достучаться. Жизнь — это грязное, вязкое… греховное месиво, если хотите. Она начинается там, где обнажается неприятная, но пульсирующая правда.

Словесность этого цикла слеплена из субстанций отходов осенних мгновений, дней, месяцев, минуя годы и расстояния. Осень — это материя, подобная комку мягкой, слегка розоватой глины на вращающемся круге гончара. Оттого и заключаю я, пред всем живым и бьющимся в пульсациях, что в начале была осень.

Дед мой был заядлым грибником. Знал все грибные места, которые держал в тайне. Соблюдал, так сказать, кодекс. Но, точно помню, время от времени ездил с нами в лес в роли эксперта по грибным делам.

Одна такая вылазка мне запомнилась очень хорошо. Выехали мы всей семьёй. Дед дорогу показывал к заветному грибному месту. Было мне тогда около пяти лет. Вручили мне маленький ножичек с закруглённым концом и туповатым лезвийком, провели ликбез по обнаружению искомых объектов и пустили «в мир». Взрослые справлялись с задачей куда продуктивнее, а я, по большей части, занималась тем, что у меня получалось лучше всего, — не закрывала свой рот.

Так шёл час за часом. Скоро усталость от неизгладимой скуки взяла верх, и я, проходя между очередных деревьев, шурша сухарями листвы под ногами, так сильно зевнула, что услышала ретрансляторный треск в собственных ушах. От испуга я резко закрыла рот. Тут-то я и поняла, что в полость моего рта, пока он был гостеприимно разинут, пожаловал гость. Мозг подсказывал: «Выплюнуть! Немедленно!», а рефлекс организма сработал на опережение, и я сглотнула своего гостя со слюной.

Меня накрыла паника. Быстро и скомканно, с наворачивающимися слезами в уголках глаз, я рассказала об инциденте взрослым.

— Паука, наверное, открытым ртом поймала. Они часто меж деревьев паутину натягивают, — слегка раздражённо ответил дедушка Дима.

— Но что же теперь будет, дед? — ещё шибче закатываясь обидой и страхом, спросила я.

— А ничего не будет. Время-то обеденное. А ты уже, считай, белок употребила — дольше протянешь без еды теперь, — иронично ответил он.

Тогда я не поняла, что это значит, но успокоилась. Кстати, не помню, когда нам довелось нормально покушать в тот день. Грибов набрали прилично. Человеком-пауком наутро я не стала.

Кстати, не ела грибов вкуснее, чем у своей бабушки. Всю добытую дедом добычу она пускала в дело: мариновала, жарила, солила…

Со временем мама начала предостерегать: употреблять грибы нужно с осторожностью, аргументируя тем, что глаза у стариков уже совсем не те, а грибы — продукт коварный. А ещё спустя годы, когда у стариков, видимо, и ноги стали уже совсем не те, да и силы начали иссякать, дед водил меня и моего двоюродного брата по грибы в посадку, которая располагалась сразу за бензозаправочной станцией. Она была относительно недалеко от дома. Мы с удовольствием ходили с ним; для меня по-прежнему это было маленьким приключением.

Грибы у бабушки я действительно уже ела с опаской. Но совсем отказаться не могла. Вкусно же!

Это я к чему вообще? Иногда я слышала о своей токсичности в свой адрес. Кто знает, сколько ядовитых пауков я ещё съела за всё время поисков грибов? Или сколько грибов, пропитанных токсичными соединениями у бензозаправок?

Шучу. А может, и не шучу. Кто меня знает?!

Миф

Древние люди рассуждали о мироздании и его устройстве через сказания и мифы. Антропоморфизированные явления природы окружающего мира для них были абсолютной истиной — реальностью, которая не требовала доказательств. А если и требовала, то они неизбежно находились вовне и связывались тончайшими нитями в единый орнамент смыслов и замыслов.

Из школьной программы по истории мы помним о многих мифах. В их основе неуклонно лежат битвы и разногласия различных богов и чудовищ. Но я, очень кстати, помню один мемфисский миф о сотворении мира через слово, где «слово» приравнивается к богическому искусству (да-да, люблю это слово — «богический»).

По преданию, именно замысел, облачённый в слово, способен создавать не только мирскую жизнь, но и божественную силу — как ресурс и источник для рождения формы всего и вся из ничего.

Представьте: до творения мира существовал повсюду только первозданный океан Нун, состоящий из хтони хаоса. И не было в нём никакой жизни. И среди этого океана появилась мысль бога Пта о своём возникновении. И он, несомненно, появился в ту же секунду, когда его мысль обрела форму. Тогда Пта замыслил об искусстве через созидание мира. И обретало плоть всё, чему он давал имена и названия. В том числе и другие боги, которые позже устроили всю эту мифическую вакханалию, о которой мы читали в школе. Но суть в том, что основная концепция этого сказания — это созидание целого мира путём озвучивания поэзии внутренних идей.

Это наводит меня на закономерные, как мне кажется, думы о том, что искусство совсем не обязательно должно быть обрамлено в нечто рукотворное или представлять собой физический объект. Искусство — это сам процесс.

«А как же результат?» — спросите вы.

Ах, оставьте. А разве результат и цель — это одно и то же? Процесс — это и есть цель. Результат — это завершённость чего-либо. Когда можно смело и слегка пафосно умыть руки, откупорить по-мещански припрятанную с прошлого Нового года бутылку праздничного шампанского и триумфально нацедить себе сей напиток в хрустальный бокал, вознося его вверх под залпы фейерверков так, чтобы Баз Лурман нервно прикурил. А потом что, заслуженный отдых? Всё, закончилось искусство, получается.

Творец никогда не спит. Так, придрёмывает иногда. Но это издержки ритма современной жизни. Я считаю, что творцом делают не результаты творения, а путь процесса. И, конечно, оговорюсь: творец — это не тот, кто вытворяет или натворил. Творец чист от этих приставок.

Вы никогда не подлавливали себя на мысли, что порой мифы объективнее объясняют некоторые явления жизни и природы, чем наука, скажем?

Я тоже нет.

Но мифология для меня — это одна из струн, небрежно и неумело натянутая моим воображением на органы моего мировосприятия ещё в детстве и звучащая до сих пор в той или иной тональности. Меня окружали мифы моего мира.

Подобно древним людям, я осмысливала устройство окружающего меня мира через образы, которые взращивала и, не побоюсь этого слова, воспитывала сама. Так, долгое время дом, в котором я жила с рождения, представлялся мне огромным галеоном, а плотный травяной покров в саду — морской гладью. Конечно же, я тоже была необычной девочкой — я умела ходить по воде, преодолевая достаточно большие расстояния. Обладать сверхспособностью было непросто, этот дар пробуждался в определённые часы: между семью и десятью часами до полудня.

Обычно я перелезала через фальшборт палубы или протискивалась между балюстрад, а затем спускалась к воде по верёвочному канату или цепи. Море в это время дня всегда ощущалось прохладным, и мои обнажённые стопы первые минуты неловко скользили по глади. Но с каждым шагом поступь становилась всё увереннее, а прогулки становились всё незауряднее. Я видела диковинных птиц, видела сигнальные костры с далёких островов и питалась экзотическими фруктами.

Но землёй обетованной для меня было особое место в саду. Оно находилось в незначительном отдалении от дома, но из окон его нельзя было увидеть. Это было самое уединённое место в саду, располагавшееся за гаражом. Небольшая территория была огорожена старой рабицей, которая со временем стала проседать, а в одном месте так наклонилась от веса расползшегося по ней хмеля, что провисла, образовав для меня импровизированный гамак. Чуть левее от моего парящего над чахнущей осенней твердью логова росла яблоня, которая умудрялась планомерно скидывать жёлтые, изодранные ветрами клочки листьев, оголяя свои ветви всё больше и больше, тем самым открывая мне вид вдаль, за поле, ближе к реке. Под моим дырявым гамаком всегда лежала груда старых брёвен, подгнивших от времени и изрешечённых в некоторых местах жуками-короедами до состояния трухи. После дождя срубы источали терпкий аромат вымокшей древесины, мха и земли. Иногда от них тянулся лёгкий шлейф кошачьей мочи.

Там я проводила вечера, жадно впитывая осенние сумерки, стараясь поймать момент, когда немые звёзды бесшумно зажгутся над горизонтом, а луна изящно скользнёт по небосклону, остывающему от последних отблесков солнечных лучей, брошенных словно крошки от недоеденного хлеба для нищенки.

Со стороны реки веяло особым, чарующим холодом. Порой казалось, что воздух застывает в пространстве и со дня на день начнёт кристаллизоваться в микроскопические снежинки, которые до весны втопчут в мёрзлую почву уже давно отжившие травы и пёстрый покров упокоившейся листвы.

И только торопливые жуки суетливо копошатся в куче навоза на соседской меже. В часы сгущающегося вечернего полумрака можно было подумать, что этот зловонный сугроб из органики и впрямь оживает и выдыхает в осеннюю зябь жар глубокого дыхания, собирая над собой клубы пара.

Невозможно суммировать, сколько часов, дней и недель я «прожила» в этом месте и сколько осенних закатов проводила. Да и это неважно в сущности. Важно лишь то, что является настоящим, реальным для нас — даже если наш внутренний мир для кого-то выглядит корявым мифическим существом, использующим пыльцу фей для того, чтобы сиять под одинокими уличными фонарями не только в новогоднюю ночь.

Даже если эта пыльца совсем не для этого.

Легенда

Конечно, я могла бы обозвать эту главу термином — «предание» или «сказ», но, обращаясь к своей генетической памяти, возвращающей меня к истокам дворянства, оставлю как есть.

Легенда в природе своего становления в словесности, в отличие от мифов, пышущих сакральностью, имеет историчный характер, но не без участия сверхъестественных сил. А возникновение сверхъестественных сил наступает там, где обрывается область объяснимых событий или знаний сведущего. Так что это может быть всё что угодно, где полномочия понимания всё — закончены.

Короче, моё желание бережно укутать историю в обёртку легенды — это попытка её переосмысления через призму морали, с эксцентричной подачей под соусом метафизичности.

Неспешно шатаясь по старым улицам Москвы в светлые времена своего студенчества, я извлекла потрясающую мысль, посетившую меня внезапно и не имеющую необходимости в своей жизнеспособности: «Почему бы мне не приобрести хомбург?». Я посетила несколько магазинов с мужскими костюмами и вскоре неспешно шаталась по улицам Москвы в строгой полосатой шляпе, с жёсткими изогнутыми полями, цвета иссиня-серой тучи, готовой обрушиться на прохожих холодным осенним дождём в любой миг.

Это было начало сентября — учебный год только начался. Но очень скоро этот элемент мужского гардероба стал моей визитной карточкой. Словно тиара, усыпанная экзотическими драгоценными камнями, воцарялась эта шляпа на моей неглупой голове, гораздой на выдумки и авантюры. Пожалуй, ничто меня так ещё не украшало. Даже та причудливая голубая шляпка из детства с кружевными полями, помпезно украшенная бутоньеркой, намертво приклеенной к опоясывающей ленте. Часто от одногруппников и соратников по выживанию в общежитии доводилось слышать: «Васёк без своей шляпы — не Васёк!» или «Васёк в шляпе — значит, всё идёт своим чередом в этой жизни».

Да, я сознавала ироничность этих тезисов, но, чёрт возьми, как же мне это льстило!

Октябрьский период со своей непогодой и плаксивостью внёс свои коррективы. Сперва он обильно напитал мою шляпу влажными каплями, так что со временем на ней проявились затейливые узоры из высохших разводов. Это, надо сказать, придало особый бунтарский лоск её внешнему виду. А Васёк по-прежнему в шляпе!

А потом ко мне пожаловал товарищ с деликатной просьбой: «Собираюсь в Питер, на конкурс. Не одолжишь шляпу? Хочу предстать в ней. Да и твоя шляпа в культурной столице побывает, да ещё на светском мероприятии…». Приблизительно так звучало предложение, от которого я не смогла отказаться, хоть оно было странным и сомнительным. Но неужто мой хомбург, уже в статусе некоего культурного артефакта, не заслужил впитывать в себя не только московские дожди?

Мой знакомый, позаимствовавший головной убор, — коллега по цеху и учился тогда на факультете рекламы. Вообще он талантливый уличный художник, и именно с этим ремеслом он отправлялся в Санкт-Петербург на конкурс по граффити.

Так моя шляпа пустилась в путешествие в Северную столицу, чтобы выполнить свой долг — расширить радиус своей жажды, впитать непогоду питерских подворотен и пары аэрозольной краски, открыть, познать и засвидетельствовать новые горизонты искусства.

История умалчивает на какой срок был заключен договор о гастролях моего артефакта: то ли на пару дней, то ли на неделю… Но факт в том, что шляпа ко мне не вернулась.

С уличным художником всё в порядке. Он прибыл в Москву в добром здравии и в хорошем настроении, но без моей шляпы. О чем тактично и сообщил: «Ты, это, извини. Ума не приложу как так вышло. Кажется, я забыл её в поезде, на обратном пути. Я готов возместить, куплю тебе взамен новую, если хочешь». Эх, Дима-Дима!

От замещения я отказалась, приняв, что, видимо, так было суждено. А Васёк больше-то не в шляпе! Ознаменовала ли потеря этого элемента потерю «Васька»? Ведь, как говаривали: «Васёк без своей шляпы — не Васёк».

Может быть. Для кого-то. Я же приняла этот случай как данность, понимая, что ничто не вечно, а особенно недолговечны самые неповторимые вещи в жизни.

Мне нравится думать, что радиус действительно расширился и принял физику судьбы: куда она отправилась по рельсам истории, в чьи руки она попала, какова была её роль в дальнейшем? Шляпа должна была исчезнуть, чтобы её история превратилась в нерушимую легенду. В этом-то и было её истинное предназначение. А может быть, и есть до сих пор.

В конце концов, я припоминаю как минимум ещё несколько необычных предметов своего гардероба, легендарным образом появившихся у меня и занявших своё законное место на «доске» артефактов памяти. Например: короткие брюки-галифе в изумрудную крупную клетку, разношенные ботинки на пуговицах, а-ля под английскую старину, выменянные за старые кеды, или тяжёлое драповое пальто с мужского плеча, перешитое моей бабушкой. Ещё полосатые высокие гольфы, чуть не забыла упомянуть. Да и многое другое.

Но ничто из этого не делает меня мной, как и отсутствие оного не лишает меня моей идентичности.

Был когда-то в глубоком детстве у меня ещё один необычный аксессуар. Окклюдер. Помню, его мне сделала мама — сшила из небесно-голубой ткани с принтом персидских мотивов. Это повязка на глаз, напоминающая пиратскую. Но в моём случае она носила отнюдь не эстетический характер.

С помощью этого предмета мне исправляли косоглазие. Повязка надевалась на здоровый глаз, тем самым провоцируя своего брата фокусироваться во избежание атрофии.

Представляете себе маленькую лохматую девчушку во дворе с закрытым пиратской повязкой глазом, смотрящую на мир косым, западающим то к носу, то в сторону уха? Не смущайтесь! Это выглядит забавно. О чем мне нередко напоминали ребята-сверстники во дворе.

Добротное поле для шуток в этом направлении от сценаристов Теда Эллиотта и Терри Россио появилось гораздо позже. Поэтому я не удостоилась чести быть прозванной Джеком Воробьём. На секундочку: Капитаном Джеком Воробьём!

Поэтому тот период сейчас воспринимается мной как идентификатор рождения моего взгляда на мир через деформацию его геометрий — с его изломами, сдвигами и наслоениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.